

СПРАВЕДЛИВА ЛИ НАША ВОЙНА?

I.

Въ „Трехъ разговорахъ“ Вл. Соловьевъ порѣшилъ вопросъ о нравственной законности войны замѣчаніемъ: „Бываетъ и плохой миръ, бываетъ и хорошая война“... Незадолго передъ настоящимъ временемъ мы прожили продолжительный періодъ мира, не задаваясь вопросомъ, хорошъ онъ былъ или плохъ. Но вотъ началась война, и вопросъ о томъ — хороша ли она — невольно является у множества людей.

Мы замѣчаемъ, что вопросъ этотъ является больше всего вслѣдствіе несчастнаго для Россіи оборота, который приняла японская война. Можно сказать безъ ошибки, что смысла нашего движенія на Дальній Востокъ Россія, образованная и невѣжественная,—не знала, не сознавала. Войны, возникшей въ результатъ этого стремленія, никто не желалъ... Я говорю „никто“—исключая изъ этого числа немногія единицы... Никто ничего не ожидалъ. Но война началась, и у насъ къ ней сначала отнеслись съ тѣмъ же легкимъ духомъ и беззаботностью, съ какими раньше относились вообще къ Дальнему Востоку. Въ силѣ и побѣдѣ Россіи никто не сомнѣвался. Даже тѣ, кто видѣлъ, что мы не умѣемъ должнымъ образомъ устраивать свои внутреннія дѣла, полагали, что мы не разучились воевать. Дѣйствительность однако далеко не оправдала ожиданій. Прошло полъ-года, и Русскій военный престижъ оказался очень подорваннымъ въ глазахъ всего міра.

И къмъ же онъ подорванъ? Кто заставляетъ насъ отсту-

пять въ теченіи уже почти восьми мѣсяцевъ? Японцы, къ которымъ у насъ относились съ такимъ пренебреженіемъ, для которыхъ не было другого названія, какъ „макаки“ да „япошки“... Когда Японцы сдѣлали свое первое измѣнническое нападеніе, народная карриатура отвѣтила имъ насмѣшливыми стихами:

Эй, Микадо, будетъ худо:

Перебьемъ твою посуду...

И увѣщевала этого Микадо:

Лѣзешь съ дуру къ Портъ-Артуру

Тамъ то желтую, братъ, шкуру

Спустятъ моряки...

Но вотъ прошло семь мѣсяцевъ, и гдѣ всѣ эти похвальбы? Увы, не Японская посуда оказалась перебитой...

Конечно, много примѣровъ героизма даетъ намъ русскій воинъ и теперь на Дальнемъ Востокѣ. Но этотъ героизмъ дѣлаетъ какъ будто еще болѣе замѣтнымъ то горькое униженіе передъ всѣмъ міромъ и передъ самой собою, какое Россія испытываетъ. Говорятъ, въ этомъ году Русскіе даже мало ѣздили за границу: каждому тяжело было смотрѣть въ глаза Европейцамъ.

Подъ вліяніемъ этого неслыханнаго, упорнаго ряда неудачъ—война, никогда не бывшая, какъ говорится, популярной, война, смысла которой не понимали, начала вызывать критику по существу. Одни критикуютъ нашъ правительственный механизмъ, и вспоминаютъ, что Японцы имѣютъ „конституцію“. Другіе больше всего критикуютъ нравственную незаконность войны, спрашивая, „зачѣмъ мы лазили на Дальній Востокъ“, „зачѣмъ забирали чужія земли?“ Является мысль о грѣховности войны. Одинъ изъ почтеннѣйшихъ Архіереевъ нашихъ недавно обращалъ вниманіе печати на необходимость разъяснить народу нашу невинность въ этой войнѣ, такъ какъ онъ (Архіерей) получаетъ много писемъ съ просьбой молиться о *прощеніи Россіи за несправедливо начатую войну*... Несчастье столь неуклонно насъ преслѣдующее, такимъ образомъ многимъ кажется не случайнымъ, а нѣкоторымъ наказаніемъ отъ самого Бога. Достоинно вниманія, что и нашъ всероссійскій служитель Божій, отецъ Іоаннъ Сергіевъ, съ самаго начала войны указывалъ въ *ней наказаніе* Божіе, и еще на дняхъ, въ словѣ на Воздвиженіе

Креста, говорилъ о грѣхахъ Россіи, дающихъ побѣду врагамъ ея:

„Древнія церковныя лѣтописи въ Россіи повѣствуютъ о чудесныхъ знаменіяхъ отъ креста Христова и отъ св. иконъ, бывшихъ въ войскахъ и о чудесныхъ побѣдахъ ихъ надъ врагами. Почему теперь нѣтъ чудесъ Креста и Христа въ нынѣшней войнѣ нашей съ язычниками? Почему мы силою креста доселѣ не одержали славной побѣды“, спрашиваетъ о. Іоаннъ, и нѣсколько дальше говорить:

„Мы поемъ церковную пѣснь: спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое. Но истинно ли мы Божіи люди и Божіе достояніе по вѣрѣ и дѣламъ нашимъ? Не много ли между нами отпадшихъ отъ вѣры и не призывающихъ Бога? Всѣ мы достояніе Божіе, удѣлъ Божій, но всѣ ли мы свои Богу? Не чужими ли стали многіе Богу и Его Церкви? За что же ожидать таковымъ милости и помощи Божіей? Говоримъ Богу: сохрани крестомъ жительство Твое, т.-е. христіанъ, живущихъ по заповѣдямъ Твоимъ. А живемъ ли по заповѣдямъ Христа, хранимъ ли твердо Его заповѣди? Осмотримся, вдумаемся, оцѣнимъ по суду Божію жизнь нашу, поступки наши, покаемся искренно, исправимся, сотворимъ дѣла, достойныя покаянія, и тогда Господь проженетъ всѣхъ враговъ нашихъ“ ¹⁾.

Именно въ этомъ обличеніи я нахожу *общую* формулу отвѣта на вопросъ о смыслѣ нашихъ неудачъ. По моему убѣжденію война требуетъ отъ насъ уясненія *полнаго содержания* этой формулы, то есть ставить намъ тотъ вопросъ, о которомъ мы не думали во время мира.

II.

Но прежде чѣмъ говорить объ истинномъ глубокомъ смыслѣ настоящей войны, необходимо устранить тѣ мелкія соображенія и сомнѣнія, которыя создаютъ наиболѣе распространенную критику войны.

Еслибы вопросъ о справедливости въ войнѣ зависѣлъ только отъ ея наступательности или оборонительности, то виновной стороной, несомнѣнно, должна быть признана не Россія, а Японія. Я писалъ объ этомъ въ статьѣ „Русско-

¹⁾ Моск. Вѣд. 15 Сентября № 255.

Японскій споръ“, гдѣ подробно доказалъ, что собственно въ отношеніи Японіи мы совершенно ничѣмъ не виноваты, и что война эта—строго оборонительная. Японія не только сама начала ее, но начала не вслѣдствіе *нашихъ* завоевательныхъ стремленій, а въ своихъ собственныхъ завоевательныхъ цѣляхъ.

Съ этой точки зрѣнія Россію обвинять могутъ только люди, очень плохо слѣдившіе за дальневосточной политикой послѣднихъ 15—20 лѣтъ.

Что касается такихъ чисто политиканскихъ соображеній, которыя объясняютъ успѣхи Японіи ея „конституціоннымъ“ строемъ—то они уже совершенно ничтожны. Японія, какъ военная держава—теперь представляетъ тѣже самыя черты, какими отличалась и во времена феодальныя, до конституціи. Походъ знаменитаго Тайко Сама на Корею и Китай въ XVI вѣкѣ—замѣчательно напоминаетъ нынѣшнюю войну Японіи. Нынѣшняя энергія дѣйствія нашихъ непріятелей обуславливается не „конституціей“ (вдобавокъ очень плохой), а наличностью цѣлой плеяды высоко талантливыхъ людей, преданныхъ всей душой дѣлу своей страны. Эти люди выдвинуты вовсе не какими-либо выборами, а тѣмъ національнымъ движеніемъ, которое создало всю эру „Мейцзи“.

Мы можемъ легче понять это, вспомнивъ свои собственныя эпохи подъема политическаго творчества. Какую массу талантовъ мы видимъ, напримѣръ, при Петрѣ Великомъ, или въ эпоху освобожденія крестьянъ.

Всѣ такіе дѣятели выдвигаются не выборами или назначеніями, а тѣмъ, *что жизнь даетъ имъ мѣсто*, предъявляетъ на нихъ спросъ. Это общее историческое явленіе. Таланты и способность ко всецѣлой преданности дѣлу — найдутся всегда среди миллионовъ народа. Но общее состояніе духа націи бываетъ не одинаково. Иногда нація *имѣетъ творческую идею*, она знаетъ хоть въ основѣ, что нужно дѣлать и проникнута сознаніемъ — что это сдѣлать *необходимо*. Въ эпохи такого состоянія духа, сами собою выдвигаются на общественную и политическую арену люди таланта и самоотверженія. Они тогда *нужны*, *ихъ всѣ хотятъ* видѣть на дѣлѣ, и они сами охотно работаютъ. Наоборотъ—когда нація *не имѣетъ* творческой идеи, когда нація хотя и неудо-

влетворена своимъ положеніемъ, но не почувяла, что ей нужно *дѣлать*—ея общественно политическій слой всегда оскудѣваетъ галантами и самоотверженіемъ, ибо такимъ людямъ *нѣтъ хода*. Ихъ никто не понимаетъ, никто не зоветъ къ дѣлу, и даже никто не пускаетъ. Да при такомъ тускломъ состояніи національнаго духа—и имъ самимъ общественная дѣятельность непривлекательна. Имъ нужна не карьера, не доходы, а *самое творчество*. Если нація не допускаетъ его—они сами въ такія эпохи сидятъ по своимъ норкамъ, а арена общественной дѣятельности заплоняется людьми совершенно противоположнаго содержанія.

Вотъ именно присутствіе національной идеи—преобразование Японіи для развитія средствъ ко всемірному владычеству—выдвинула въ ней множество талантовъ и самоотверженія. Конституція тутъ совершенно не при чемъ. Она въ Японіи сама есть только довольно неудачное послѣдствіе національнаго подъема, одно изъ весьма не важныхъ средствъ дѣйствія, которому въ Японіи *теперь* даже не придаютъ большого значенія.

Тѣ, которые жалуются, что у насъ „людей нѣтъ“—должны понять, что причина этого кроется въ отсутствіи національной творческой идеи. Недостатки нашего дѣйствія обусловливаются, поэтому, гораздо болѣе глубокими причинами, тѣмъ общимъ національнымъ грѣхомъ, вслѣдствіе котораго Россія не знаетъ, что ей нужно дѣлать, что творить, для чего жить. Этотъ грѣхъ мертвитъ нашу жизнь въ мирномъ состояніи, и обезсиливаетъ насъ на войнѣ. Нынѣшняя война вскрываетъ передъ Россіей вовсе не одни мелочные и легко поправимые недостатки—техники, вооруженія, организаціи гражданской или военной и т. п., но прежде всего *общій недугъ* націи, который ей должно понять и излечить для того, чтобы получить надежду воскресенія для всякаго дѣла—военнаго или мирнаго.

III.

Когда я слышу выше помянутыя просьбы о молитвѣ за „грѣшную“ Россію, ведущую яко бы „несправедливую“ войну, мнѣ становится такъ же грустно, какъ при видѣ людей, подъ шумокъ войны обдѣлывающихъ свои личныя дѣлишки.

Люди—будто бы кающіеся въ несправедливости роли своего Отечества—по ясности нравственнаго сознанія поднимаются ли выше пѣнокснимателей и думаютъ ли о томъ, что такое международная справедливость? Чего они хотѣли бы? Они говорятъ: „намъ нечего лѣзть на востокъ“. „Своей земли довольно: нечего чужія захватывать“. Они говорятъ даже: „чего лѣзутъ миссіонеры? Китайцы ихъ не желаютъ“. „Пусть каждый живетъ по-своему“... Но можетъ ли быть болѣе вѣ-нравственное состояніе ума и чувства? Развѣ въ немъ не выражается полное отрицаніе человѣческой солидарности, взаимныхъ обязанностей одного народа передъ другимъ и всѣхъ ихъ вмѣстѣ передъ человѣчествомъ? Тѣмъ паче здѣсь выражается полное отрицаніе служенія народовъ Богу и цѣлямъ Его домостроительства въ человѣческомъ родѣ... Наконецъ — въ этомъ принципѣ „нечего лѣзть“ выражается даже простое незнаніе историческаго процесса, въ которомъ націи живутъ и развиваются именно тѣмъ, что „лѣзутъ“ одна къ другой, то-есть общеніемъ и взаимодействіемъ...

Нѣтъ, если Россія виновата, то ужъ конечно не тѣмъ что „лѣзла“ на Востокъ. Насъ можно было бы осудить, если бы мы сотни лѣтъ подвигались на Востокъ съ какими-нибудь вредными для обитателей его намѣреніями, для ихъ эксплуатаціи. Но наше движеніе въ Азію было опредѣлено прежде всего движеніемъ Востока на насъ. Со временъ Печенѣговъ и Монголовъ мы должны были защищаться, и при этомъ цѣлый рядъ оборонительныхъ позицій вынуждалъ насъ къ наступленію. Это была законная самозащита—и гдѣ же ей положить предѣлы? Если мы нашли наши естественныя границы на Западѣ,—то ихъ доселѣ нѣтъ на Востокѣ. Нынѣшняя Японская война является лишь послѣднимъ актомъ нападенія на насъ со стороны Азіи, въ которомъ мы опять, какъ въ теченіе столѣтій, принуждены идти впередъ, если не желаемъ быть отодвинутыми назадъ и—уничтоженными...

Та же историческая самозащита, которая двинула насъ нѣкогда на Казань, двинула насъ теперь въ Манджурію. А защита себя,—дѣло законное. Итакъ, обвинять Россію въ этомъ послѣднемъ актѣ движенія на Востокъ — верхъ несправедливости.

Но говоря о *справедливости* или *несправедливости* нашего дѣла на Востокъ — я не допускаю возможности рѣшать этотъ вопросъ только мѣркой юридической законности, которая была бы прилична въ частныхъ отношеніяхъ и въ чисто *личныхъ* интересахъ.

Мы должны спросить себя: что такое справедливость? Справедливость есть то, что сообразно съ правдой,—то, что мы дѣлаемъ по требованію правды. Наша обязанность—жить по требованіямъ правды—даетъ намъ извѣстныя права дѣлать то или иное. Въ этомъ отношеніи право частное и общественное, а тѣмъ болѣе историческое,—весьма различны по объему, по той причинѣ, что совершенно неодинаковы обязанности наши въ отношеніи своего *личнаго*, частнаго интереса и интереса общественнаго или историческаго. И вотъ это-то общественное и историческое право Россіи никакъ не позволительно упускать изъ виду, когда мы беремся судить ея роль въ международныхъ отношеніяхъ вообще и на Востокъ въ частности.

Я назову примѣръ, особенно понятный Русскому уму и чувству. Имѣли ли мы право истощать Турцію столѣтними войнами, въ которыхъ постоянно являлись нападающей стороной, вмѣшивались во внутреннія дѣла Турецкаго Правительства, требовали отъ него той, а не иной политики въ отношеніи *его* подданныхъ? Съ точки зрѣнія теоріи „нечего хѣзть“, „пусть каждый живетъ по-своему“—наша роль въ отношеніи Турціи есть величайшее преступленіе. Но чувствуетъ ли это Россія и весь міръ? Нѣтъ,—весь міръ признаетъ наше упорное надрываніе Турціи—великимъ подвигомъ, самоотверженнымъ исполненіемъ святого долга. Мы сами это чувствуемъ, и немногимъ въ своей Исторіи гордимся такъ, какъ этимъ чистѣйшимъ, безкорыстнѣйшимъ служеніемъ Христіанству, свободѣ и культурѣ.

Этотъ примѣръ помогаетъ намъ, надѣюсь, понять, что *нравственный* элементъ въ существованіи народа вовсе не исчерпывается задачею сидѣть смиренно въ своемъ уголкѣ, никого не обижать и честно зарабатывать свое пропитаніе. Я осмѣливаюсь думать, что нравственное существованіе не исчерпывается этой, такъ сказать, растительной задачей даже и для отдѣльной личности. Нравственная жизнь налагаетъ на насъ не одни отрицательныя задачи не дѣлать

зла, но въ несравненно большей степени ставитъ обязанность дѣлать *добро*. Зла ни камень ни бревно никому не дѣлаютъ, но мирно лежащее бревно не можетъ быть для *человѣка* идеаломъ нравственнаго существованія.

Обязанность *активнаго* служенія добру всегда признавалась Исторіей въ отношеніи народовъ, и исполненіемъ этого долга Исторія измѣряетъ свои хвалы или порицанія имъ. Исторія цѣнитъ общечеловѣческую заслугу націи, и съ этой точки зрѣнія ставитъ вѣчно завоевательный Римъ выше множества народностей, сидѣвшихъ смирно, никуда не „лѣзшихъ“ и никому никакого добра не сдѣлавшихъ. Нація обязана соблюдать и юридическую справедливость международныхъ отношеній, но превыше всего въ ея жизни—эта служба человѣчеству, составляющая ея *историческій долгъ*.

Онъ состоитъ во внесеніи въ семью народовъ и въ сокровищницу человѣчества какихъ-либо высшихъ началъ существованія. Такъ цѣнитъ Исторія, для которой отдѣльные народы являются орудіями общей жизни рода человѣческаго. Но такъ точно судить и религія, для которой отдѣльные народы суть орудія Божія Промысла въ устроеніи міровой жизни.

Народъ является служителемъ *справедливости* лишь тогда, когда онъ выступаетъ служителемъ Воли Божіей и исполняетъ дѣло, ему въ Исторіи указанное.

Эта обязанность даетъ народу и *право* на все необходимое для исполненія своего служенія. Иногда народъ, во исполненіе своей обязанности, не только можетъ, но долженъ вторгаться въ жизнь другихъ народовъ, и не „сидѣть смирно“, но являться воителемъ за ту *правду*, защита и утвержденіе которой ему ввѣрены.

IV.

Такимъ дѣломъ, которое уполномочиваетъ отдѣльный народъ на то или иное вмѣшательство въ жизнь другихъ народовъ,—является, по формулировкѣ научной, *дѣло культуры*. Всѣ имѣютъ право и обязанность поддерживать не только у себя, а и другихъ, высшія культурныя нормы жизни. По формулировкѣ Христіанина такимъ же мѣриломъ нашего права и обязанности въ международной міровой жизни является *служеніе дѣлу Христіанства*.

Объ эти формулы, при правильномъ пониманіи культурности и Христіанства,—совершенно совпадаютъ и говорятъ, подъ разными названіями, объ одномъ и томъ же. Но у многихъ народовъ трудно различить дѣло Христіанское въ ихъ культурномъ дѣлѣ, которое—развивая односторонне благія для человѣчества творческія созданія,—не осмысливаетъ ихъ истинной идеей или даже привноситъ къ нимъ идею ложную, антихристіанскую, которая разрушаетъ все благое, создаваемое этой односторонней культурностью, или подрываетъ его.

Но что касается Россіи, то въ ней служеніе Христіанству такъ ясно слито со всѣмъ ея существомъ, какъ нація культурной, что если мы выбросимъ изъ Исторіи Россіи ея служеніе Христіанскому дѣлу, то получимъ огромную страну и огромныя массы людей—совершенно лишеныя всякаго смысла своего существованія.

Россія родилась подъ Христіанскими вліяніями, на нихъ зачалась ея умъ и совѣсть, ихъ духъ вѣялъ надъ социальнымъ и политическимъ творчествомъ нашимъ. Едва раскрывъ глаза на сознательное существованіе, Россія увидѣла себя почти невольной наслѣдницей неудавшагося дѣла Византіи, защитницей Православія, произвольной сокрушительницей магометанства, освободительницей Православнаго Востока, проповѣдницей Христіанства среди множества языческихъ народностей. Ей же пришлось, почти независимо отъ желанія, стать защитницей *истиннаго* Христіанства, въ его православной формѣ, среди народовъ Христіанскаго міра... Если мы выбросимъ всѣ эти черты внутренняго сложенія и внѣшней Исторіи Россіи то—что же получится изъ Россіи? Какой-то бессмысленный нуль!..

Другіе народы могутъ хвалиться тѣмъ, что, забывая о Христіанствѣ, внесли однако въ сокровищницу человѣчества огромную силу умственнаго развитія, огромныя средства матеріальной культуры, тонкія юридическія нормы законности, и юридическія основъ гражданственности. Ничѣмъ такимъ не можетъ закрыть Россія своей пустоты, если позабудетъ о *служеніи Христіанству*.

Но за то въ дѣлѣ служенія Христіанству—Россія несетъ міру сокровище, котораго никто не обѣщаетъ дать въ той мѣрѣ и въ той ясности, какъ она.

Я говорю не о томъ, что Россія уже сдѣлала, а о томъ, что она представляетъ въ характерѣ своего внутренняго содержанія, въ своемъ *идеальномъ* содержаніи, которое—увы—остается лишь въ потенциальномъ состояніи, но тѣмъ не менѣе—существуетъ и *можетъ* быть реализовано.

Великій поэтъ можетъ позорно погубить талантъ и вмѣсто великихъ художественныхъ созданій—ничего не дать или дать какую-нибудь грязь и низменность. Великій умъ можетъ лѣниво прозябать всю жизнь. Такъ и Россія *можетъ* зарыть талантъ, выращенный въ ней Богомъ, и тогда—она достойна всякой кары... Но я говорю не о томъ, что она *дѣлаетъ*, а о томъ, что *можетъ* сдѣлать по своему содержанію.

Въ исполненіи этого, въ реализаціи своего внутренняго содержанія, состоитъ обязанность Россіи передъ Богомъ и людьми, ея *миссія*.

Эту свою историческую миссію Россія должна исполнять и на Дальнемъ Востоку. И если она ее исполняла, если она ее исполнила,—то она *права*, а всѣ, кто ей въ этомъ становятся поперекъ дороги, какъ нынѣ Японія,—виноваты предъ Богомъ и Исторіей. Тогда наша война съ Японіей—справедливая война, не только потому, что Японія первая напала, а мы защищаемся,—это обстоятельство, съ точки зрѣнія историческаго долга, не важное,—но болѣе всего потому, что мы несемъ Востоку спасеніе, а Японія хочеть его лишить блага, нами приносимаго.

Вотъ какова настоящая постановка вопроса о нравственномъ достоинствѣ нынѣшняго столкновенія. Какъ же мы должны рѣшить вопросъ, что мы отвѣтимъ на него?

Увы и улы: не можемъ мы имѣть силы отвѣтить на такой вопросъ твердымъ голосомъ, безстрашнымъ исповѣданіемъ своей правоты.

Что такое мы несли на Востокъ? Что мы хотѣли сдѣлать? Что мы сдѣлали? Но нужно еще сначала спросить: думалъ ли кто что-нибудь дѣлать, помнилъ ли кто, что въ Исторіи народовъ есть обязанности?

Россія шла на Востокъ случайно, стихійно, по стеченію обстоятельствъ. Она при этомъ, разумѣется, приносила Востоку саму себя, то что въ ней есть. Но когда мы вдумываемся—что же въ насъ есть, то получаемъ картину неслы-

ханной въ мірѣ двойственности, какое-то смѣшеніе чистой и свѣтлой Невѣсты Христовой съ Вавилонской любодѣйцею.

V.

Дѣйствительно, то особенное, что отличаетъ русскій типъ въ идеалѣ, поражаетъ своей свѣтлой чистотой.

Оно состоитъ въ концепціи нравственнаго элемента, какъ основы всей личной и общественной жизни.

Это національное самоощущеніе создано, конечно, Христіанствомъ и выражаетъ лишь глубочайшую его сущность.

Но дѣло въ томъ, что съ эпохи первенствующей церкви ни одна нація Востока и Запада не восприняла этой сущности такъ искренне и глубоко, какъ Русскій народъ. Не только на Западѣ, но и въ Византіи не осмѣливались строить общественныя отношенія на началѣ нравственномъ. Русскій народъ, напротивъ, во всемъ своемъ творчествѣ положилъ во главу угла нравственно-религіозный элементъ.

Этотъ духъ проявился прежде всего въ нашей церковной идеѣ, налагающей свой отпечатокъ на весь соціальный бытъ. Со временъ первенствующей церкви, ни у одного народа внутренняя связь всѣхъ членовъ церкви не была поставлена столь ясно на нравственно-религіозномъ началѣ. Русскій народъ лучше всѣхъ помнилъ, что не власть и подчиненіе объединяютъ мірянъ и священство, а ихъ общая связь съ Источникомъ нравственнаго начала—Христомъ.

Какъ и въ древности, такая церковь является семьей Божіей; не авторитетъ, а святость цѣнится въ ней. Отсюда—вырастаетъ высокое значеніе личности, которая оцѣнивается близостью къ Богу, то-есть святостію, а не чиномъ, состояніемъ или племенемъ.

Выросшій въ такомъ духѣ народъ неизбѣжно долженъ проявить двѣ характеристическія черты: стремленіе жить „по правдѣ“, жить „по-Божьему“, и ту *всечеловѣчность*, о которой такъ краснорѣчиво говорилъ Достоевскій.

При такомъ исходномъ пунктѣ развитія Русская національность отличается отъ всѣхъ другихъ наибольшимъ отсутствіемъ замкнутости и исключительности. Русскій сходится со всѣми, у всѣхъ любитъ свѣтлое и высокое, охотно сливая его со своимъ собственнымъ содержаніемъ. Онъ легко со всѣми сживается, всѣхъ объединяетъ своей готовностью

признать у них истинное добро, почему и другіе народы находятъ у него отраженіе своихъ частныхъ идеаловъ, въ истинно-христіанскомъ синтезѣ всего человѣчнаго, на который такъ чутка русская душа.

Это постоянное исканіе нравственнаго начала, приводящее къ общечеловѣчности, проявляется и въ нашемъ художественномъ творчествѣ. Но, что казалось бы несравненно труднѣе, — политическое и социальное творчество Россіи точно также запечатлѣно установкой жизни на началѣ этическомъ.

Этимъ именно характеризуется наше Самодержавіе.

Русская идея видитъ въ Царѣ не деспота, не диктатора, но представителя Божьей правды, господствующей въ государствахъ надъ юридическимъ элементомъ.

Русскій человѣкъ, съ начала вѣковъ и до сихъ поръ, никакъ не способенъ преклониться передъ законностью, видя въ ней лишь условную, разсудочную справедливость, и стремится подчинить ее абсолютной нравственной справедливости. И вотъ выше всего въ государствахъ поставляется *человѣкъ*, Царь, личность, такъ какъ носительницей нравственнаго начала можетъ быть только личность. Нравственная личность становится у насъ Верховной властью, и ей подчиняются всѣ юридическія нормы.

Нужна необычайная вѣра въ *реальность* нравственнаго начала для такой концепціи Верховной власти. Но та же вѣра проявляется и въ такихъ социальныхъ отношеніяхъ, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является народная коллективность. Въ этомъ отношеніи характеристично требованіе *единогласія* рѣшеній. Извѣстно, какъ трудно до сихъ поръ провести въ сельское управленіе принципъ большинства голосовъ. Крестьянинъ подчиняется большинству, но совѣмъ ему не вѣрить. Почему это? Внутреннее сознаніе говоритъ ему, что правда бываетъ только *одна*, ибо онъ понимаетъ только *абсолютную* правду. При такомъ же условіи—конечно, если бы всѣ голосующіе слушали голоса правды,—рѣшеніе оказалось бы единогласно. Значитъ, если оно—не единогласно, то въ него вкралась какая-то неправда...

Примѣры такого стремленія къ господству нравственнаго начала наполняютъ все, что мы называемъ типично-русскимъ...

Можно даже сказать, что Русская національность до сихъ поръ не поняла истинно-глубоко ничего, кромѣ значенія этического начала. Но за то этическое начало Русскій народъ понималъ такъ глубоко, какъ никто на свѣтѣ, по крайней мѣрѣ—до сихъ поръ.

Эта характеристическая особенность внутренняго Русскаго содержанія несетъ съ собою настоящее *откровеніе* для чело-вѣчества. Никогда оно еще не осмѣливалось устраивать всѣ свои жизненныя отношенія подъ верховенствомъ этического начала. Даже въ творествѣ христіанскихъ народовъ, отъ Византіи до Запада, социальныя учрежденія всегда строились преимущественно работой ума, логики и знанія, а не воздвигались сознательно на чувствѣ этическомъ. Эту идею приносить съ собою только Россія...

А между тѣмъ, всѣ успѣхи ума и матеріальной культуры безсильны помѣшать превращенію чело-вѣческой жизни въ адъ кромѣшный, если она вырывается изъ-подъ власти этического начала, доселѣ столь слабо дѣйствующаго въ государствахъ Христіанскаго міра.

Русская концепція нравственнаго элемента, какъ основы личной и общественной жизни, вноситъ въ социальный міръ осуществленіе Евангелія Христова, во всей мѣрѣ того, насколько это возможно по законамъ міра. Она объединяетъ въ свободномъ союзѣ Государство и Церковь. Она обѣщаетъ объединить всѣ народы въ братской семьѣ подъ верховенствомъ Власти, для которой не страшна ни чело-вѣческая свобода, ни права народовъ, ни дѣйствіе организованныхъ элементовъ общества, ибо эта власть — сама *не юридической природы*, а потому не ослабляется отъ развитія социаль-ныхъ силъ, построенныхъ на юридической основѣ. Какъ конкретное выраженіе верховенства нравственнаго начала, эта власть не порабощаетъ и церкви, а напротивъ служитъ опорой ея свободы, какъ религіознаго союза, составляющаго источникъ нравственнаго элемента самой Власти.

Какой народъ, казалось бы, могъ не пожелать Русскаго вліянія, кто могъ бы тяготиться Русскимъ сосѣдствомъ, приносящимъ столь свѣтлыя начала общественности? И если мы двигались на Востокъ, особенно нуждающійся въ нравственномъ возрожденіи,—то, казалось бы, мы несли его народамъ именно то, что имъ нужно. Наше историческое движе-

ніе, кажется, оправдывается высшею справедливостью передъ нами самими, передъ народами Востока и передъ Исторіей?..

И, конечно, — нельзя сказать, что бы мы *вовсе* не несли Востоку нравственнаго возрожденія.. Но это только потому, что онъ могъ *самъ отыскать* у насъ сокровище, нами оставленное въ небреженіи. Онъ могъ подобрать то, что мы бросаемъ. Но—*сами*— какъ можемъ мы давать другимъ, то, что искажаемъ и подрываемъ у себя?

VI.

Дѣйствительно, когда мы переходимъ отъ идеала къ факту и вспоминаемъ Россію, какова она есть,—то невольно ощущаешь настроеніе Іоанна Богослова при появленіи „Великой блудодѣицы“.

„Я увидѣлъ жену сидящую на звѣрѣ багряномъ, преисполненномъ именами богохульными.. и на челѣ ея написано— тайна, Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ. Я видѣлъ что жена упоена кровью святыхъ... и видя ее—дивился удивленіемъ великимъ“...

Какъ могло случиться столь полное, необычайное превращеніе?

Можно сказать безъ преувеличенія, что между Русскими идеалами и Русскою дѣйствительностью лежитъ цѣлая бездна.

Ни католикъ, ни протестантъ не имѣютъ столь глубокаго и возвышеннаго понятія о Церкви, какъ мы. Но въ ихъ церковной дѣйствительности существуетъ то самое, во что они вѣрятъ. Они созидаютъ свои церкви такими, какими ихъ мыслятъ въ своихъ вѣрованіяхъ. Мы же вѣримъ одному, а устраиваемъ совершенно иное. Мы говоримъ о союзѣ Церкви и Государства, а въ дѣйствительности ставимъ свою Церковь такъ, что ее иной разъ называютъ „ацефальною“.. Мы въ теоріи учимъ о единеніи всѣхъ чиновъ вѣрующихъ, говоримъ о соборности Церкви, какъ о неразрывномъ единеніи мірянъ, клира и іерархіи, но гдѣ же въ дѣйствительности это единеніе? По нашей вѣрѣ и по идеѣ соборности нельзя даже представить себѣ бюрократизма въ церковномъ управленіи, а на практикѣ бюрократическій элементъ здѣсь едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ Министерствахъ гражданскаго вѣдомства. Но требуется ли обрисовывать подробно „осуше-

ствленіе“ нашихъ вѣроваій въ церковной дѣйствительности? Кто этого не знаетъ? А въ довершеніе — такое „осуществленіе“ совершается не какимъ-либо „коварнымъ Альбиономъ“, а нами, Русскими, націей, ставящей выше всего *нравственное начало и жизнь по правдѣ...*

Можно ли не дивиться великимъ удивленіемъ при видѣ такихъ превращеній?

Мы—народъ, все строящій на нравственно-религіозномъ началѣ. Мы—какъ говорятъ — „народъ Богоносецъ“... Но есть ли гдѣ на свѣтѣ болѣе ругательное отреченіе отъ Бога, какъ въ современной Россіи? Во Франціи католики шумятъ по поводу политики Комба. Но дѣйствія Комба — не честиѣ ли нашихъ? У него только *гоненіе* на Церковь, а у насъ стремленіе къ *искаженію* вѣры и Церкви. Комбъ не старается сдѣлать Христіанство служителемъ своихъ фантазій, онъ только отрицаетъ Бога и Христа, но не беретъ на себя быть Богомъ и Христомъ. У насъ же — свирѣпствуетъ стремленіе фальсифицировать Христіанство, сдѣлать его служителемъ нашихъ фантазій и вожделѣній. Графъ Толстой не выступаетъ честно съ новой, собственной религіей. Онъ фальсифицируетъ Христа и, сочиняя *свою* вѣру — увѣряетъ, будто это и есть Христіанство. Цѣлая плеяда Мережковскихъ, Розановыхъ съ К^о, находящихся столько почитателей среди духовенства, — идутъ тѣмъ же путемъ, только еще дальше. Въ нравственномъ отношеніи они возстановляютъ древнѣйшее язычество, то самое, которое было упразднено Христіанствомъ, вводятъ обожаніе плоти... и все это подъ флагомъ „Христіанства“. Большой внутренней нечестности мысли и чувства нѣтъ нигдѣ въ мірѣ... и все это у народа, душа котораго проникнута нравственнымъ началомъ! Я называю лишь немногія вершины лжи, насъ проникающей, но та же ложь распространена повсюду. Рядомъ съ ней есть и „честное“ отрицаніе Бога: Интеллигенція усваиваетъ идеи „сверхчеловѣчества“, жулики воруя чудотворныя иконы. Это пожалуй всё-таки лучше: во лжи нельзя упрекнуть. Но какое въ этомъ отсутствіе даже малѣйшей вѣры и нравственности! Если жулики и сверхчеловѣки дѣйствуютъ безъ притворства, то какую страшную ложь они составляютъ съ точки зрѣнія *національности* Русской. То ли долженъ создавать изъ сыновъ своихъ народъ, вскормленный Христіан-

ствомъ, и ничего добраго не имѣющій, кромѣ даровъ Христіанства?

VII.

Не болѣе утѣшительное зрѣлище представляетъ осуществленіе и нашихъ государственныхъ идеаловъ. Гдѣ, въ дѣйствительности, нравственное начало въ нашихъ учрежденіяхъ, и какая разница въ нашемъ гражданскомъ строѣ съ тѣмъ „полицейскимъ государствомъ“, которое устраивалось въ Европѣ XVIII вѣка, до конституціоннаго періода? Въ дѣйствительности мы имѣемъ только страшную бюрократическую централизацію, которая охватываетъ своимъ „средоствѣніемъ“ и Власть и народъ. Народъ, столько сотъ лѣтъ крѣпко организованный, своей организаціей служившій „службу Государеву“ и поддерживавшій Государство, систематически лишается всякой сплоченности, и самостоятельности, и вводится въ рамки бюрократическаго режима, какъ нигдѣ на свѣтѣ. Даже во Франціи, при ея административной централизаціи, общественная организація имѣетъ пріютъ хоть въ корпоративномъ началѣ. У насъ же и оно чахнетъ, и нѣтъ у народа такой потребности, къ вѣдѣнію которой не являлся бы немедленно чиновникъ, какъ только обнаружится существованіе ея...

Послѣдствія этого мертвятъ жизнь, потому что свободное творчество націи, дѣйствіе по вдохновенію и убѣжденію, не могутъ находить себѣ мѣста въ чрезмѣрно разрастающемся канцеляризмѣ бюрократіи. Дѣятельность бюрократіи требуетъ подчиненія и исполнительности въ отношеніи *указанной* начальствомъ идеи. Это естественно. Но человѣкъ, который способенъ трудиться не для извнѣ указанной ему идеи, а для той, которую ему открываетъ вдохновеніе и совѣсть—для канцелярской работы не годится. Когда канцелярія распространяется на чрезмѣрно большія области жизни—человѣкъ вдохновенія и совѣсти естественно отстраняется все больше и больше отъ вліянія на жизнь. А между тѣмъ онъ—необходимъ для націи. Этотъ свободный труженникъ и подвижникъ идеи—есть носитель нравственнаго начала въ общественной дѣятельности. Онъ же есть и лучшій, свободный, а не заказной или наемный, выразитель духа націи, ея собственной работы ума и совѣсти. Когда такой человѣкъ

скрывается въ глубину и тьму частнаго, непроявляемаго существованія—нравственное общеніе Власти и народа становится всё болѣе затруднительнымъ.

А между тѣмъ, именно Власть, основанная на нравственномъ началѣ,—безусловно нуждается въ общеніи съ народомъ, въ непрерывномъ ощущеніи того, что думаетъ и чувствуетъ народъ. Бюрократія образуетъ, какъ выражался П. Аксаковъ, „средостѣніе“, раздѣляющее Власть и народъ и кладущее преграду ихъ общенію, безъ котораго нравственное начало не имѣетъ способовъ фактически проявлять свое дѣйствіе.

Народъ можетъ искать Власть, Власть можетъ стремиться къ народу, но вездѣсущіе чиновники и канцеляріи—производятъ то послѣдствіе, что—ища народа—Власть всюду встрѣчаетъ только собственнаго чиновника, и народъ—стремясь къ общенію съ Властью—точно также повсюду находитъ только чиновника.

Это—противорѣчіе идеала и дѣйствительности, котораго не знаютъ народы, устраивающіеся на низшемъ—юридическомъ началѣ. Оно само по себѣ ниже, но существуетъ не только въ идеѣ, а и въ дѣйствительности. У насъ же—идеаль высокъ, а его проявленіе въ дѣйствительности доводится до послѣдняго минимума.

Такое положеніе вредно отзывается на дѣйствіи даже самой бюрократіи. Когда ослаблено общеніе Высшей власти съ народомъ, а изъ жизни исчезаетъ свободный дѣятель—исчезаетъ и контроль за дѣйствіями служилаго, чиновнаго элемента. При отсутствіи же или слабости контроля, можетъ ли не возникать злоупотребленій въ массѣ лицъ, служащихъ на жалованьи?

Эти злоупотребленія не сводятся только къ вопросу о хищеніяхъ. Не менѣе опасное злоупотребленіе составляетъ служба лѣнивая и лукавая, когда служилый человекъ изъ желанія спокойствія, изъ желанія угодить начальнику и т. п.—не слѣдитъ по совѣсти за происходящимъ, не обличаетъ бездѣйствія или хищенія, старается не выносить изъ избы непріятнаго сора, или прикрываетъ собственную ошибку стараніемъ исказить дѣйствительное положеніе дѣлъ.

Эта сторона ненормально разросшагося бюрократизма особенно вредно сказывается на освѣдомленности управительной

власти о важныхъ явленіяхъ, способныхъ угрожать государству и обществу. Въ результатъ, когда „неожиданно“ обнаруживается грозное явленіе—его начинаютъ обсуждать спѣшно и безпокойно въ минуту, требующую уже не разсужденія, а дѣйствія, и въ результатъ дѣйствіе, конечно, оказывается нецѣлесообразно...

Много тяжелаго можно бы вспомнить на эту тему, но кто не знаетъ самъ примѣровъ этого? Не задерживаясь на подробностяхъ, я хочу еще только отмѣтить, что зло у насъ суммируется вслѣдствіе соединенія *нѣсколькихъ* неблагопріятныхъ явленій.

Дѣйствительно, ростъ бюрократическаго начала въ настоящее время идетъ у насъ фактически рядомъ съ ростомъ невѣрія и безнравственности. Это совпаденіе очень опасное. Если, не боясь разоблаченія со стороны людей, человѣкъ сверхъ того не боится и Бога,—то чего же онъ не позволить себѣ въ личныхъ интересахъ? Что такое Отечество для человѣка, который не имѣетъ даже честности Комба? Смирить ли онъ въ интересахъ Отечества голосъ личнаго честолюбія, воздержится ли отъ того, чтобы „подвести“ соперника по службѣ, хотя бы рискуя повредить Отечеству? Нужно ли говорить, сколько на этой почвѣ можетъ возникать интригъ, злоупотребленій и гоненій на людей, еще хранящихъ чистою свою совѣсть?

VIII.

И вотъ, бросая взоръ съ одной стороны на нашъ свѣтлый идеаль, съ другой, на его искаженія дѣйствительностью—какой отвѣтъ дадимъ мы на вопросъ о томъ—что мы несли въ своемъ движеніи на Востокъ?

Несли ли мы идеаль или дѣйствительность?

Конечно, Китаецъ, Монголь, Японецъ—могли усмотрѣть и кое-что высокое при столкновеніи съ подошедшими столь близко Русскими людьми. Но не больше ли увидѣли они низменнаго, неспособнаго возбудить къ намъ ни уваженія, ни симпатій?

Мы должны вспомнить, что даже наши соотечественники жестоко обличаютъ насъ въ Манджурской дѣятельности нашей. По всему Амуру слово „Харбинецъ“ было далеко не лестнымъ наименованіемъ. Въ исторіи Манджурской желѣз-

ной дороги—какое печальное мѣсто заняли случаи безсовестнаго хищничества, разгула животныхъ аппетитовъ, презрительнаго попиранія правъ Китайцевъ, оскорбленія ихъ вѣрованій и т. д. и т. д.

Все это можно подтвердить множествомъ обличеній со стороны очевидцевъ. Ограничусь указаніемъ на авторитетъ Епископа Иннокентія, Начальника Китайской Миссіи, который не только уличалъ мѣстныхъ Русскихъ дѣятелей именно въ нехристіанскомъ поведеніи, но допустилъ и напечатаніе своего обличительнаго слова въ „Извѣстіяхъ“ мѣстнаго Православнаго Братства, а потомъ за собственной подписью подтвердилъ обличенія, прибавивъ, что если предъ лицомъ всего этого будетъ молчать Епископъ—то сами камни возопіють... („Извѣстія“ № 5).

Итакъ, что же *Русскаго*, идеальнаго, показали мы Китайцу? Скажемъ, по снисхожденію—*очень мало*. Въ довершеніе всего мы, не завоевавъ его уваженія къ нашей нравственной высотѣ—не обнаружили передъ нимъ и силы своей... Японцы, шныряющіе по Китаю и Манджуріи, давно внушали Монгольскому востоку мнѣніе, что въ сущности Европа ошибается, считая Русскихъ сильными... Но если мы—каковы бы мы ни были въ отвлеченіи—фактически пришли на Востокъ, не обнаруживая силы нравственной, не чаруя восточнаго взора даже и силой матеріальной, подрываемой ослабленіемъ нравственной силы,—то какова же оказывается наша роль? Какое великое дѣло, какую идею открыли мы Востоку?

Вопросъ о нашей *правотѣ*—совершенно, однако, зависитъ отъ этого. Мы, съ точки зрѣнія Исторіи, съ точки зрѣнія высшей справедливости, могли итти даже наступательно, даже „съ жезломъ желѣзнымъ“—если бы только исполняли при этомъ свой историческій долгъ... Пророческій завѣтъ Апокалипсиса говоритъ Ангелу Фіатирской Церкви. „Кто побѣждаетъ и соблюдаетъ дѣла Мои до конца—тому дамъ власть надъ язычниками, и будетъ пасти ихъ жезломъ желѣзнымъ“... (Ап. II, 26, 27). Но „побѣждали“ ли мы внутри себя, соблюдали ли дѣла Божія до конца?

Въ отвѣтъ на это приходится только спросить себя—да есть ли у насъ люди, хоть помнящіе о существованіи въ міровой жизни дѣлъ Божіихъ? Если найдутся люди, размышляющіе объ этихъ дѣлахъ Божіихъ гдѣ-нибудь въ ин-

тимной бесѣдѣ, въ кельѣ монастырскаго отшельника или въ кабинетѣ „свѣтскаго“ чудака—не отъ міра сего,—то ужъ конечно въ національной дѣятельности Россіи не найдешь и слѣда памятованія о такихъ „недоумѣнныхъ“ для нея вопросахъ и задачахъ...

Но если мы не несли Божьяго дѣла на Востокъ — то съ чѣмъ же шли? Чѣмъ оправдаемъ свое движеніе? И ужъ не правы ли, можетъ быть, тѣ, которые, сами забывъ о „дѣлахъ Божіихъ“, по крайней мѣрѣ говорятъ: „нечего намъ со- ваться“, — „пусть всѣ живутъ по-своему?“

IX.

Это значило бы—поставить надъ Россіей могильный крестъ. Усложненіе однако въ томъ, что въ международной жизни нельзя даже и дома сидѣть.

Народъ неспособный ничего дать другимъ — неизбежно увидить этихъ другихъ у себя. Неспособный учить—онъ попадетъ въ опеку и будетъ взятъ на выучку. Нашъ дальневосточный сосѣдь—старый Китай—служить живымъ напоминаніемъ этой истины, горькой для всѣхъ лѣнивыхъ и лукавыхъ рабовъ. Кто хочетъ жить на свѣтѣ—тотъ долженъ нѣчто вносить въ международную жизнь, исполнять честно свое служеніе человѣчеству и Богу, Который руководитъ судьбами человѣчества.

Въ Исторіи нельзя утѣшать себя даже мыслью, что другіе еще хуже насъ... Божественная справедливость, наказывая за грѣхъ, орудіемъ своимъ иной разъ выбираетъ вовсе не лучшихъ, а наиболѣе способныхъ произвести кару. Народъ Израильскій былъ посланъ истребить Хананеянъ не потому, чтобы самъ былъ хорошъ, а потому, что дѣла Хананеянъ требовали палача. И самимъ Евреямъ Господь впоследствии говорилъ черезъ Пророка: „Пошлю на тебя народъ наглый съ края земли“... Объ этомъ всегда приходится помнить, особенно тому народу, которому много дано, а по-сему и много съ него взыщется.

Отъ кары Божьей не спрячешься сидя дома. И не постигаетъ ли насъ она теперъ? Вѣдь мы не хотѣли воевать, не шли къ Японцамъ, а они къ намъ пришли. Да и въ самой войнѣ—развѣ не видно, что вовсе не Японцы сами по себѣ

страшны и опасны? Вникая въ причины успѣха, какой они имѣли, и въ тѣ опасности, какими они намъ угрожаютъ,—мы ясно замѣчаемъ, что наказуемся не ихъ силой, а послѣдствіями собственныхъ грѣховъ. Не сила враговъ, а наша собственная слабость бьетъ насъ. Наши уязвимыя мѣста постоянно создаются какъ разъ тѣмъ, въ чемъ мы погрѣшаемъ, всѣмъ тѣмъ, что мы сдѣлали для изуродованія высокаго типа, даннаго Богомъ Россіи отъ созданія ея.

Мы измѣнили Божьему дѣлу во всѣхъ отношеніяхъ: и путемъ прямого отреченія отъ вѣры, и путемъ отреченія отъ указаннаго Богомъ нравственнаго закона, и путемъ искаженія общественныхъ началъ, вложенныхъ въ Русскую національность. Мы ихъ не развили, не осуществили, изуродовали и зарыли въ землю...

„Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, ниже сотворихомъ, ниже соблюдохомъ, еже заповѣдалъ еси намъ“...

Вотъ что намъ должно почувствовать и понять. Война обнаружила потерю нами того, что мы бы должны были хранить и развивать во времена мира. Война наша несчастлива потому, что миръ нашъ былъ плохъ... Но если такъ, то задача, указуемая испытаніемъ, состоитъ ужъ конечно не въ томъ, чтобы малодушно капитулировать передъ „народомъ наглымъ, посланнымъ съ края земли“, а въ томъ—*чтобы перестать грѣшить.*

Намъ невозможно сразу исправить все. Но возможно твердо *рѣшиться* на это. И за это ужъ Богъ даетъ свою помощь. Въ томъ же словѣ своемъ о. Іоаннъ говоритъ:

„А впрочемъ, какую силою доселѣ стоитъ наша крѣпость на Дальнемъ Востокѣ, Портъ-Артуръ? Не силою ли Христа и креста и крестоноснаго воинства нашего? А армія наша чьею силою мужественна и несокрушима, хотя и лишилась множества вѣрныхъ и храбрыхъ слугъ Царя и Отечества! Не Христовою ли непобѣдимую силою? *Она скоро и совершенно побѣдитъ безчисленную рать языческую, и Крестъ восторжествуетъ несомнѣнно надъ поклонниками демоновъ*“...

Отрадное пророчество, и дай Богъ, чтобы поскорѣе оно исполнилось. Но конечно—для этого требуется намъ воспрянуть духомъ и твердо рѣшиться стать служителями Божьяго дѣла въ Исторіи, возродить въ себѣ Христіанскій духъ и строй, намъ указанные свыше при самомъ рожде-

ни Россіи и довѣренныя ей для осуществленія въ міровой миссіи.

И тогда мы, конечно, увидимъ исполненіе пророчества отца Іоанна. Но для этого нужно покаяніе—не на словахъ, не въ принесеніи куреній и жертвъ, а въ видѣ внутренняго возрожденія, въ осуществленіи самимъ *дѣломъ* своего мірового назначенія—созиданія истинно Христіанскаго Государства.

Л. Тихомировъ.
